

УДК 11/12

ББК 87.21

DOI 10.22394/1682-2358-2020-6-37-45

A.I. Aleksandrov, Doctor of Sciences (Law), Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Saint-Petersburg State University

A.A. Kovalev, Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Administration Department, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF UNDERSTANDING EVIL IN TAOISM: CIVILIZATION APPROACH

Philosophical aspects of understanding evil in Taoism as a synthetic religious and philosophical concept are considered. The concepts of good and evil in the ethical space of Taoism are investigated, some philosophical and cultural parallels of understanding evil in Taoism with similar concepts in world philosophy are revealed. The experience of China as one of the largest states in the Eurasian space is analyzed.

Key words and word-combinations: Taoism, good and evil, ethical space, China.

А.И. Александров, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета (email: a.i.aleksandrov@spbu.ru)

А.А. Ковалев, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: kovalev-aa@ranepa.ru)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ЗЛА В ДАОСИЗМЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Рассматриваются философские аспекты понимания зла в даосизме как синтетической религиозно-философской концепции. Исследованы понятия добра и зла в этическом пространстве даосизма, выявлены некоторые философско-культурные параллели понимания зла в даосизме со схожими концепциями в мировой философии. Анализируется опыт Китая как одного из крупнейших государств на Евразийском пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: даосизм, добро и зло, этическое пространство, Китай.

В начале XXI столетия мир оказался охвачен разнообразными социальными, религиозными, геополитическими и социокультурными противоречиями. Видимо, никогда еще за всю свою историю

человечество не было так близко к гибели, к которой может привести противостояние противоречивых и разноплановых цивилизаций и культур современного мира. Многие базисные понятия культурно-исторических и цивилизационных конгломератов современного мира не только не схожи, но порой и диаметрально противоположны друг другу.

К числу этих понятий относятся важнейшие категории «добро» и «зло», которые можно трактовать и как этические, и как социально-онтологические принципы, лежащие в основе всего мироздания. Запад и Восток — различные цивилизационные пространства, но знаменитые слова Р. Киплинга о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда», в современную эпоху не совсем точно отражают реальность. Западу и Востоку предстоит не только «встретаться», что уже происходит в период проводимой по американским стандартам глобализации, но и совместно находить пути решения важнейших проблем человечества, которые могут быть преодолены лишь совместными усилиями различных цивилизационных общностей.

Экологические, демографические, духовно-нравственные проблемы современного человечества во многом являются следствием безраздельного господства зла во внутренней и внешней политике мировых держав. Существующее зло имеет много обликов и часто выдает себя за добро, что влечет страшные угрозы для будущего человечества.

Восток и Запад по-разному оценивают многие явления индивидуального и социального бытия, так же как волк и овца по-разному понимают сущность свободы. И хотя, как писал А.С. Пушкин в поэме «Полтава», «в одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань», современным политикам приходится делать это. Для того чтобы общаться с Востоком, необходимо знать социокультурные и мировоззренческие основы восточных цивилизаций. Понимание и оценка зла относится к наиболее важным философским проблемам любой национальной культуры, продуктивно исследовать которые невозможно без обращения к истории философии.

История философии выступает формой существования самой философии, ибо ни одна значимая философская концепция не может быть полностью опровергнута, равным образом как и ни одно философское открытие навечно не уходит из социокультурного бытия. Платон и Гете, Декарт и Конфуций живы для философии, выступая генераторами современных концепций, включающих в себя идеи мыслителей прошлого, которые не только обретают новую жизнь на очередном этапе всемирной истории, но и могут действительно послужить человечеству. В этом отношении не представляет исключения и даосизм, в пестром наследии которого можно найти актуальные для современной эпохи раздумья о добре и зле. Наряду с конфуцианством даосизм в современном мире продолжает играть значительную роль не только как религия, но и как своеобразная этическая концепция.

Исследование некоторых аспектов понимания зла в даосизме оправдано в том смысле, что существует не так много специальных работ на эту тему. Чаще всего даосизм рассматривают в религиозном плане или же в разнообразных прикладных аспектах. Это книги Ю.Я. Бондаренко [1], А.Е. Лукьянова [2], А.А. Маслова [3], А. Масперо [4], диссертационные исследования Вэн Цзянь [5], И.В. Белой [6], А.П. Мышинского [7], статьи С.В. Филонова [8; 9].

Названные работы лишь частично затрагивают проблему, интересующую авторов настоящего исследования, цель которого состоит в том, чтобы осветить философские аспекты понимания зла в даосизме, воспринимаемом как синтез религиозных и философских воззрений. Данная цель может быть достигнута решением задачи исследования понятия добра и зла как противоположностей в этическом пространстве даосизма, а также через выявление философско-культурных параллелей понимания зла в даосизме со схожими концепциями в мировой философии. В данной работе используются методы историко-философского анализа, применяется компаративистский подход.

Наряду с конфуцианством даосизм оценивается как наиболее яркое проявление цивилизационной самобытности китайской культуры и менталитета народов, населяющих Поднебесную. За приблизительно двадцать шесть столетий своего существования даосизм пережил периоды расцвета и упадка, причем зло для даосов не было предметом лишь абстрактных размышлений, ибо сторонники даосизма неоднократно сталкивались с разнообразными формами социального зла. Например, в 1288 г. были сожжены практически все даосские книги. Необходимость перманентного противостояния с конфуцианством делала сложным концептуальное определение многих понятий даосизма и в целом затрудняла принятие даосской философией четких организационных форм.

Даосизм («пиньинь») — синтезированная социкультурная реальность, включающая в себя элементы философии и религии. Как и конфуцианство, даосизм содержит моральную философию, но акцент при этом делается на самом образе жизни человека. Для основателя даосизма Лао-цзы (VI—V вв. до н.э.), о жизни которого рассказывают немало легенд и историчность которого часто оспаривают, *дао* («путь, дорога вещей») представлено в естественном течении жизни, в возрастающей сложности жизни и экзистенциальном движении — пути человека от рождения до смерти. Сам Лао-цзы, по преданию, совершил путешествие в Индию, и образ дороги стал ключевым в мировоззрении его приверженцев. Это легендарное путешествие стало основой для концепции, разработанной Ван Фу около 300 г. до н.э. в трактате «Хуахуцзин» (Канон обращения варваров) для споров с буддистами.

Поток *дао* — гармоничный принцип. Это способ существования, то есть тот принцип, руководствуясь которым приверженец моральных норм может жить в мире, полном страстей и противоречий. Таким образом, идеи добра и зла относятся к способу бытия человека в мире. Наряду с *дао* глав-

ным концептом даосизма выступает *дэ* — добродетель, противоположная злему началу, которая следует из *дао*. «Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется (с ними. — *Авт.*)» [10, с. 11]. Тот, кто не борется с людьми, не совершает ошибок и злых поступков. Понятно, что речь здесь идет о должном, а не о сущем, ибо в реальной жизни избежать столкновений и конфликтов невозможно.

Те действия, которые соответствуют *дао* и *дэ* (добродетели), хороши. Те действия, которые не соответствуют *дао* и *дэ*, являются злом. Как и конфуцианство, даосизм не знает фигуры прародителя зла (падший ангел Люцифер), характерного для авраамических религий и всей западной культуры, а потому вся ответственность за совершаемое в мире зло ложится на самого человека.

Добро находится в гармонии с творениями природы, ориентированной на жизнь, вечно изменяющейся и сложной. Отношение человека к другому человеку имеет такое же значение, как и его отношение к миру природы, потому что *дао* проявляется повсюду. Ощущение нашей взаимосвязи с другими людьми и нашей связи с миром именно как разумных существ позволяет создать целостную концепцию взаимозависимости от других людей и от всего окружающего мира. Идея необходимости гармонии человека с природой характерна и для образа мышления древних греков. Увы, начиная с Нового времени, европейская культура отошла от нее, что и привело к современной ситуации глобальной экологической катастрофы.

Таким образом, чтобы жить этически, последователь моральных норм должен оставаться в гармонии естественного порядка, быть приверженцем *дао*. И наоборот, зло — это все то, что не согласуется с *дао*. Зло — отказ признать внутреннюю взаимосвязь всех жизненных сил. Если *дао* является способом гармоничной жизни, то зло нарушает гармонию естественного потока.

Зло противоречит *дао* и как таковое вносит хаос в порядок Вселенной. Эти первичные силы порядка и энтропии проявляются в противостоянии добра и зла. Для Лао-Цзы, таким образом, добро гармонично, оно согласуется с *дао* и упорядочено, тогда как зло разрушительно, оно не согласуется с *дао* и отличается хаосом.

Лао-Цзы признает извечную противоположность добра и зла. Добро определяется им как действия в соответствии с *дао*. *Дао* можно приблизительно определить как форму потока природы. Этот поток нацелен на жизнь. *Дао* — принцип всего бытия, не сводимый к самому бытию. *Дао* «бесконечно и не может быть названо. Оно всегда возвращается к небытию» [10, с. 13]. Все бытие исходит из *дао* и вновь возвращается к нему. Видимо, Фридрих Ницше руководствовался схожими идеями, когда размышлял о «вечном возвращении» как о высшей форме утверждения и торжества жизни.

Добрые поступки находятся в гармонии с жизнеориентированным потоком, злые — в оппозиции к нему. В этом смысле добро связано с созданием, а зло — с разрушением.

Чтобы приблизиться к пониманию природы зла, нужно противопоставить добро самой природе зла. В «Дао Дэ Цзин», например, Лао-Цзы предлагает много описаний хорошей жизни, которые противостоят природе зла. Он пишет: «Рождать и питать, иметь, не обладая, действовать, не ожидая, руководить и не пытаться при этом контролировать других людей: это высшая добродетель» [11].

Утверждая, что высшая добродетель подразумевает «обладание, не обладая», Лао-Цзы признает концепцию обладания без самого обладания, распределения и разделения благ без зависти. «Если я не связан законом обладания, тогда, как приверженец моральных норм, я свободен в своих движениях. Текучесть моего существования такова, что я могу существовать, не обладая. Я могу влиять на людей, не контролируя их» [12].

В отличие от добра, зло возникает из разрушения, которое действует против течения природы. То, что является злом, неизбежно противоречит дао. Злой человек остается в постоянном конфликте с *дао*. Разрушение жизни и нарушение естественного течения природы являются признаками зла, и продвижение человека к злу всегда отмечено бесчеловечными поступками.

Двойственность добра и зла представлена в дихотомии человечности и бесчеловечности. Добро — это всегда благо для человечества. Оно укрепляет человечество, наполняя его смыслом, всей полнотой жизни, прожитой ради добродетели. Зло — это всегда регрессивная сила, которая подавляет человечество и его расцвет, культивируя эгоизм и равнодушие к другим людям. Эти факторы неизбежно приведут к душевной черствости и расчеловечиванию.

Человек соединил свое чувство личной идентичности с тем, чем он обладает. Он идентифицирует себя с миром материальных вещей, с собственностью, что порой служит основой для проявления и расцвета зла. Лао-Цзы продолжает: «Тот, кто полагается на *дао* в управлении людьми, не пытается навязать решение проблем или победить врагов силой оружия. Для каждой силы есть противодействие. Насилие, даже с благими намерениями, всегда наталкивается само на себя» [13].

Приверженец *дао* отвергает использование силовой аргументации, которая приводит к конфронтации и насилию. Скорее, он терпелив и внимателен к важным вопросам, не настаивая на том, чтобы доказывать свою правоту или всегда находить точные ответы. Он понимает, что в мире существует равновесие зла и добра как противостоящих двух другу сил, управляющих законами природы, и более того, осознает, что он тоже подчиняется этим законам.

Поток *дао* развивается от хаоса к порядку, от единообразия к разнообразию, от пустоты к сложности. Мудрец признает роль Провидения и терпеливо ждет своего часа. Как Мудрец является олицетворением добра, так и глупец является олицетворением зла.

Впоследствии Кант будет рассуждать о всеобщем принципе, которое объединяет все элементы бытия в единую структуру. Как известно, для Канта бытие есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе: «...бытие не есть реальный предмет, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении» [16, с. 521].

Во многом это соответствует глубокой мысли Лао-Цзы, что «каждое существо во Вселенной является выражением *дао*. *Дао* возникает как нечто бессознательное, совершенное, свободное, принимает форму физического тела, позволяет ему следовать за обстоятельствами человеческой жизни вплоть до ее завершения. Вот почему каждое существо спонтанно почитает *дао*» [15]. Здесь дао, по сути, та же «связка бытия», о которой века спустя будет размышлять Кант.

Эта взаимосвязанность служит важнейшим условием для всего творения. Творение понимается как бесконечный акт, приводящий к всевозрастающему разнообразию, таящему в себе не только благо, но и возможности полного системного коллапса. Мысль эта особенно актуальна в наше время, когда всей совокупной человеческой цивилизации угрожает гибель. И ведь к такому печальному состоянию во многом привело безудержное стремление человека знать окружающий мир и обладать его материальными благами. Безграничность человека и его стремлений может привести к логическому концу всей системы «мир — человек».

Да, если у человеческой души нет ни начала, ни конца, она не имеет границ. Хотя существует, по словам Канта, «единая структура», это — проявление множественности, точнее — это представление единства через множество. Это понимание постоянно находится в оппозиции к хаосу, который стремится поглотить разумное бытие. Это битва между энтропией и мировым порядком, идущая с самого начала времен.

Баланс между разрушительными возможностями, присущими жизни, и непреклонным распространением самой жизни, на самом деле является двумя сторонами одной медали. Более точным образом сформулированная греком Парменидом концепция Единого проявляется как представление множественности; это видимость противоречия без наличия самого противоречия.

На самом деле, если бы это противоречие проявилось, не было бы жизни вообще. Таким образом, существование жизни требует равновесия этих двойственностей. Эта изначальная двойственность хаоса и порядка проявляется в нашем понимании зла и добра. Зло — это сила разрушительной способности Вселенной, которая приобретает моральное значение только из-за человеческого разума, могущего осмыслить ее. И наоборот, добро — это созидательная способность Вселенной, конец которой только

приближается, но никогда не настает, а именно бесконечное умножение всей жизни.

Равновесие трактуется в даосизме как «золотая середина», позволяющая жизни и природе процветать. Там, где равновесие отсутствует, зло проявляется как избыток или недостаток, противоположный жизни. Там, где равновесие способствует процветанию, зло всячески сопротивляется этой стабилизации. Зло всегда проявляется как крайность. Таким образом, зло — это всеобщая сила, которая противостоит равновесию, необходимому для достижения процветания.

Идею равновесия добра и зла как двух главных сил в мироздании активно исповедовали манихейцы (дуализм Света и Тьмы). Великий Гете в трагедии «Фауст» высказывал схожие мысли, вкладывая их в уста Мефистофеля. П.А. Горюхов отмечает: «Гете пришел к убеждению, что Добро и Зло — абсолютно равные противоположные силы. Как и Гегель, Гете утверждает, что развития без борьбы противоположностей нет. Человеку нельзя дать заснуть, Зло само вызывает человека на противостояние, на борьбу с ним. Человек без борьбы томится, он “расчеловечивается”, а с помощью борьбы он как бы “держит форму”. Получается, что Зло поддерживает человеческое в человеке, оно позволяет человеку осуществлять самопознание и сохраниться именно как Человеку, а не как амебе или овце» [16, с. 11].

Это чувство равновесия добра и зла осмысливалось величайшим из всех китайских мистиков Чжуан Чжоу (Чжуан-Цзы), даосским мыслителем IV в. до н.э. («эпоха Сражающихся царств»). Его труды настолько философски сложны по форме и прекрасны по содержанию, что они привлекали внимание многих ученых на протяжении веков. В предисловии американского ученого и переводчика Бертона Уотсона к полному собранию сочинений Чжуан-Цзы читаем: «Центральная тема Чжуан-Цзы (как и всей совокупности его работ. — *Авт.*) может быть выражена одним словом: свобода. По существу, все философы Древнего Китая обращались к одной и той же проблеме: как человеку жить в мире, где господствуют хаос, страдания и абсурд? Почти все они отвечали каким-то конкретным планом действий, направленным на реформирование личности, реформирование общества и, в конечном счете, на освобождение мира от разнообразных бед. Ответ Чжуан-Цзы основан на совершенно ином типе мышления. Это ответ мистика... (его. — *Авт.*) ответ на этот вопрос таков: освободи себя от мира» [17].

Мир социального, лежащий во зле и хаосе, препятствует реализации наших добрых потенций, вызывая к нашему тщеславию, гордыне, самовозвеличиванию или стремлению к славе и знанию. Именно этот эгоистичный и самореферентный способ бытия препятствует нашей способности соответствовать моральному закону. Это, в сущности, вера в то, что человек «выше закона», то есть тщеславие дает приверженцу морали ложную веру в то, что он превосходит моральный закон. Это приводит к отказу

препятствовать нашей склонности к злу и мешает нашей солидарности с добрыми силами.

Осознать свое место в этом мире — значит понять человеческую потребность отделаться от многочисленных искушений зла и активно противостоять его притягательности для нашей гордыни. Чжуан-Цзы предлагает интересную метафору. Он пишет: «Болотный фазан должен пройти десять шагов для того чтобы клонуть один раз и сто шагов за один глоток, но он не хочет, чтобы его держали в клетке. Хотя ты обращаешься с ним как с царем, его дух не будет удовлетворен» [18].

Люди же, в отличие от болотного фазана, хотят, чтобы их баловали. Они хотят, чтобы о них заботились. Они хотят жизненных благ, но, самое главное, они хотят быть равными царям, — рассуждает Чжуан-Цзы. Потому что быть монархами означает, что другие должны будут пройти эти многие шаги, чтобы удовлетворить наши потребности, в то время как мы останемся праздными. Вопрос в том, кто свободнее: царь или его слуги, птица в клетке или птица на свободном выгуле? Вот где зло пускает корни — в желании быть царем, в желании прославиться. О таких желаниях, однако, Чжуан-Цзы предупреждает: «Если вы делаете добро, держитесь подальше от славы. Если вы делаете зло, держитесь подальше от наказаний» [17].

По словам Чжуан-Цзы, «добродетель разрушается славой». Таким образом, человек не может действовать добродетельно, если его действия управляются желанием мирской славы. Царь — это воплощение славы, и как таковой он «заключен в клетку», где, по сути, обездвижен самим своим статусом. Он заключен в тюрьму своей мирской славой. Его дух не может двигаться свободно, на что способен даже дух болотного фазана. Слава — это то, чем можно сбить людей с ног, а мудрость — это средство для пререканий. И то и другое — злое оружие, а не то, что принесет вам успех». Мы видим, что зло для Чжуан-Цзы отчасти основано на этом стремлении к мирской славе.

Для Чжуан-Цзы мудрость не должна применяться для уничтожения других. Истинный мудрец не претендует на это, не наслаждается собственным блеском и не применяет свои знания для достижения разрушительных целей. Истинный мудрец заботится об истине, а не о знании, как и подобает обычному человеку. «Если он (обычный человек. — *Авт.*) готов считать правителя выше себя и умереть за него, то насколько больше он должен быть готов сделать для истины!» [18].

Итак, *дао* можно понимать равно как лишенный атрибутов абсолютом, так и как имманентное сущностное единство всех элементов бытия. Человек ни в коем случае не лучше других живых существ вследствие обладания разумом — напротив, именно разум часто является причиной неудач и ошибок. Поэтому правильной жизненной позицией будет стремление к невмешательству и «недеянию» (*у-вэй*). Человек должен принять свою

сущность и примириться с ней. Если человек достигает тождества с всеобщим «дао», то он может достигнуть бессмертия.

Идеи добра и зла в даосизме относятся к способу бытия человека в мире. Те действия, которые соответствуют дао, хороши. Те действия, которые не соответствуют дао, являются злом. Добро гармонично, оно согласуется с дао и упорядочено, тогда как зло разрушительно. Зло не соотносится с дао и отличается хаосом. Разрушение жизни и нарушение естественного течения природы являются признаками зла, и продвижение человека к зу всегда отмечено бесчеловечными поступками.

Мудрец же признает роль Провидения и терпеливо ждет своего часа. Как Мудрец является олицетворением добра, так и глупец является олицетворением зла.

В целом в даосизме зло — это разрушительная сила во Вселенной, которая приобретает моральное значение только из-за человеческого разума, могущего осмыслить ее. И наоборот, добро — это созидательная способность Вселенной, конец которой лишь приближается, но никогда не наступает. Добро — бесконечное умножение всей жизни.

Библиографический список

1. *Бондаренко Ю.Я.* Этика парадоксов: очерк этики и философии даосизма. М., 1992.
2. *Лукьянов А.Е.* Древнекитайская философия: курс лекций. Ч. II: Философия даосизма. М., 2015.
3. *Маслов А.А.* Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М., 2003.
4. *Масперо А.* Даосизм. СПб., 2007.
5. *Вэн Цзянь.* «Даосизм: состояние и место в современном Китае: 80–90-е годы XX века»: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000.
6. *Белая И.В.* «Феномен субтрадиции в даосизме (на материале корпуса сочинений Сунь Бу-Эр)»: дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2019.
7. *Мышинский А.Л.* Проблемы раннего даосизма в отечественной историко-философской литературе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1996.
8. *Филонов С.В.* Ранний даосизм: поиск методологической целостности // Религиоведение. 2009. № 3. С. 56–69.
9. *Филонов С.В.* Вехи отечественной историографии в изучении даосизма // Россия и Восток: Основные тенденции социально-экономического и политического развития: тезисы докладов к общероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 1998. С. 64–66.
10. Дао. Гармония мира. М.; Харьков, 2000.
11. *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин. СПб., 2013.
12. *Лао-Цзы.* жизнеописание, мировоззрение, цитаты. СПб., 2007.
13. *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин: книга пути и благодати. М., 2013.
14. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М., 1964. Т. 3.
15. *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин: Книга о Пути и Силе. М., 2002.
16. *Горохов П.А.* Добро и зло в трагедии В. Гете «Фауст»: Опыт философского анализа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2000. № 2. С. 9–13.
17. *Чжуан-Цзы.* Изречения. М., 2010.
18. *Чжуан-Цзы.* Путь полноты свойств. М., 2005.